

Ци Муцин застыл всем телом, не смея шевельнуться. Прошло немало времени, и лишь когда дыхание лежащего рядом человека стало ровным и глубоким, он наконец тихонько выдохнул, понемногу повернул голову и посмотрел на не совсем чёткие в темноте черты лица.

Его сердце, бившееся до этого словно барабанная дробь, постепенно успокоилось. В голове всплывали недавние моменты: непривычная, полная тепла близость, улыбка этого человека... На сердце стало сладко, уголки губ сами собой изогнулись в улыбке, и, устроившись на подушке, обхватив голову руками, он погрузился в сладкий сон.

— Доброе утро!

Каково это — проснувшись, услышать приветствие от мужчины, которого тайком любишь? Ци Муцин густо покраснел, а затем на рефлексх выпалил в ответ: «Доброе утро!»

— Мне нужно вставать, ты меня немного придавил, тяжело, — с улыбкой и необыкновенной нежностью произнес Сун Цзыюй, слегка целуя Ци Муцина в щеку. В его голосе еще звучала утренняя хрипотца. Он вовсе не был святошей, и оставаться в таком донельзя близком положении было поистине тяжело для выдержки.

Только тут Ци Муцин сообразил, что закинул на мужчину всю ногу, а рука обвила его торс, словно он пытался присвоить эту территорию себе. Парень тут же отдернул конечности.

— Прости, — смущенно извинился он. Впрочем, на душе у него разливалось щедрое, сладкое тепло. По выражению лица было понятно, что учитель Сун вовсе не сердится, и даже, пожалуй, находит это приятным. Словно с сегодняшнего утра их отношения незримо вышли на какой-то новый уровень.

Они умывались вместе, то и дело переглядываясь и улыбаясь друг другу, и казалось, что даже воздух пропитан сладостью. А у самого порога перед уходом учитель Сун легко, едва касаясь губами, поцеловал его на прощание, и Ци Муцин подумал, что только такая жизнь и может считаться по-настоящему полной и счастливой.

Сегодня воздух в парке казался просто благоуханным. Небо — синее, трава — зеленее. Стоило ему только расставить мольберт, как тут же появились первые клиенты: вчерашняя девушка и какой-то мужчина средних лет.

— Здравствуйте, я снова пришла! Это мой дядя. Мы сегодня пришли с той же просьбой — очень хотим попросить вас написать портрет нашей бабушки. Не могли бы вы поехать с нами? Деньги не проблема, — заговорила Сяо Ин. Сегодня ее волосы были аккуратно убраны в узел, на ней была белая рубашка и туфельки на низком каблуке, что придавало ей еще более деловой вид.

— Боюсь, это не очень удобно? — Ци Муцин не стал давать согласие с ходу. Больше поездок по чужим домам ему нравился этот тихий парк.

— Видите ли, мы хотим сделать для мамы копию старого портрета, поэтому очень надеемся, что вы сможете съездить и посмотреть на место, где она раньше жила, а также на ее любимую платице. Думаю, так картина получится намного лучше. Поскольку это в деревне, ехать придется часа два, так что, возможно, вы потеряете целый день, но мы готовы заплатить вам пятнадцать юаней, — объяснил причину мужчина средних лет, разговаривая крайне вежливо.

Ци Муцин немного подумал: люди движимы искренней сыновней любовью, да и плата предлагалась весьма неплохая. Он кивнул:

— Хорошо, но давайте постараемся вернуться до семи часов вечера.

Мужчина с улыбкой кивнул Ци Муцину:

— Все зависит от вас.

Когда они добрались до выхода из парка и Ци Муцин увидел припаркованную там машину, он явно удивился, и на душе у него шевельнулся неприятный осадок. Впрочем, он давно привык скрывать свои чувства на людях, а потому молча последовал за мужчиной и забрался в салон автомобиля.

Богачей в уездном городке хватало, но вот машин было мало — улицы пестрели одними велосипедами. И тем не менее, в ту самую ночь на перекрестке у школы неожиданно проехала именно машина — та самая, что сбила Сун Цзыюя.

— Братец, поехали! — Сяо Ин села последней, устроившись на пассажирском сидении впереди.

— Только ты языком трепать горазда. Разве я не тебя ждал?

Только теперь Ци Муцин обратил внимание на молодого человека за рулем. На вид ему было около двадцати с небольшим, черты лица чистые и правильные, брови и глаза очень похожи на сяоинские, но во взгляде читалось больше дерзости и мужской силы, а сам он казался человеком крайне свободным и самоуверенным.

— Теперь-то ты должен назвать свое имя? Не годится же нам целый день общаться друг с другом без обращения, это очень невоспитанно, — неожиданно повернувшись, бросила Сяо Ин Ци Муцину.

— Меня зовут Ци Муцин, — его немного смутил такой прямой выпад.

— Малышка Ин, девушка должна быть скромнее. Меня зовут Сяо Фан, от слова «пространство», простирающееся на сто ли вокруг. — Сяо Фан взглянул через зеркало заднего вида на сидящего сзади парня. Тот выглядел неплохо, да к тому же умел рисовать — настоящий творческий человек. Неудивительно, что его младшая сестренка проявила такую инициативу.

— Здравствуйте! — по своей природе Ци Муцин не слишком умел сходиться с людьми, особенно с теми, с кем виделся впервые.

— Эти двое ребят по характеру очень уж горячие. Если не возражаете, можете звать меня дядей Ваном, сегодня уж извините за хлопоты, придется вам прокатиться, — добродушно улыбаясь, проговорил сидевший рядом Ван Цин.

— Расскажите мне о старушке. — Путь предстоял неблизкий, не сидеть же всей машине в молчании. К тому же ему действительно хотелось побольше узнать о покойной: раз уж за эту работу платят хорошие деньги, рисунок должен получиться идеальным, чтобы оправдать каждое потраченное юанем.

— Матушка моя всю жизнь была мастерицей на все руки. Вырастила нас четверо, всегда приговаривая, что раз уж она, деревенская, вышла замуж в город, она должна держать марку и жить так, чтобы люди завидовали. В те времена бабушка по материнской линии нашу семью не жаловала, так матушка взяла нас, ватагу ребятишек, и увезла в деревню, а потом...

Стоило завести разговор о близком человеке, как у дяди Вана словно иссяк запас слов — он без умолку болтал всю дорогу, а остальные пассажиры молча слушали его рассказы об этой удивительной женщине.

К тому моменту, как они приехали на место, у Ци Муцина уже сложилось определенное представление о старушке. Впрочем, сам дядя Ван оказался человеком весьма колоритным, и когда зашел разговор о его втором брате — отце тех двоих парня и девушки, что сидели спереди, — его эмоции были на редкость противоречивыми.

Тот брат, судя по всему, был молодцом: сумел стать зятем в богатой влиятельной семье из провинциального центра. Поначалу, опасаясь за свое положение, он годами носа не казал домой, но разбогатев, вернулся с почестями — отдал дань уважения старикам и здорово помог остальным братьям и сестрам. Вот только из слов дяди Вана было трудно понять, чего в них было больше — благодарности или обиды.

Рассказывая о подобных семейных делах, он совершенно не стеснялся постороннего человека, хотя Ци Муцин то и дело замечал, как сидевшие впереди брат с сестрой хмурятся.

— Ну вот, приехали! — Сяо Фан резко вдавил по тормозам. Ци Муцин качнулся вперед и уперся руками в спинку переднего сиденья, чтобы удержать равновесие, а вот дядя Ван от неожиданного толчка клюнул носом вперед.

— Приехали, так выходим, не будем терять время, — не обращая внимания на выходку Сяо Фана, бодро бросил дядя Ван, приглашая Ци Муцина.

Тут парень с облегчением выдохнул: слушать чужие семейные тайны было неловко. Он уже несколько раз пытался перебить дядю Вана, но того, казалось, было не остановить.

Выбравшись из машины, Ци Муцин поднял глаза и оглядел двор. Вокруг шла изгородь из плетения, сами же постройки представляли собой типичные для деревни глинобитные дома под черепичной крышей. Однако было одно отличие: вдоль плетения вместо привычных крестьянских овощей буйно рос самый разнообразный цветник, придавая этому простому крестьянскому двору на редкость изысканный вид.

— Ну как, красиво? Моя бабушка начала разводить цветы еще в молодости, привозила саженцы отовсюду, тут видов пятьдесят, наверное, наберется. Она всегда говорила, что отличается от остальных деревенских баб, потому что тоже понимает толк в красоте и жизни, — подала голос Сяо Ин.

Заметив удивление на лице художника, она пояснила:

— В детстве я была слабенькой, врачи говорили, не выхожу, несколько раз увозили в больницу безнадёжной. Бабушка тогда разъярилась, поехала в провинцию, устроила родителям знатный нагоняй, а меня забрала к себе и сама выхаживала до девяти лет. Только когда я окрепла, меня отпустили домой.

Четверо вошли во двор. Четвертая дочь старухи проводила их в комнату, показала шкаф с одеждой и даже достала любимый старинный джемпер с узором из сорок, предвещающих благую весть, а также множество других вещей, принадлежавших усопшей при жизни. Собрав воедино все детали, Ци Муцин установил во дворе мольберт.

Работа заняла немало времени, но, к счастью, у него уже был готов предварительный набросок углем, так что дальше все пошло как по маслу.

Портрет получился ярким, наполненным теплыми красками. Старушка на холсте, несмотря на хрупкое телосложение, выглядела румяной и здоровой; ее обыкновенно строгие, немного хищные глазки слегка лукаво приподнимались в уголках, словно выражая тайное торжество. Она была одета в свою любимую кофту и с увлечением срезала секатором сухие ветки со своего обожаемого куста китайской розы. В тот момент, когда картина была закончена, крепкий мужик дядя Ван зарыдал в голос, а обе женщины украдкой принялись вытирать слезы краями платков.

С поставленной задачей было покончено, и парень наконец смог расслабиться. После обеда все домашние отправились на кладбище навестить могилу старухи, а Ци Муцин остался сидеть на крыльце, любуясь цветами. И правда, это буйство красок, за которым так любовно ухаживали, выглядело куда красивее любых городских клумб.

— Тетушка, не надо мне этого говорить, у меня все равно нет денег, да и толку с того, что ты мне жалуешься? Раз уж ты устраиваешь на работу собственного сына, разве не ты должна раскошиться? — раздался голос Сяо Ин. Тон ее был полон раздражения.

— Помоги тетке, послезавтра последний срок! Упустишь момент — потом локти кусать будешь. Считай, что в долг берешь. Ну или переговори с Сяо Фаном, я-то знаю, у него водятся деньги, — в голосе женщины слышались умоляющие нотки.

— Тетя, у Сяо Фана тоже нет денег. Мы сами сидим в долгах, — отрезала Сяо Ин, теряя терпение.

Ци Муцин неловко потрогал нос и уже хотел было подняться и уйти. Те двое шли с возвышенности позади дома по короткой тропинке — еще поворот, и они столкнулись бы нос к носу, а встречаться с ними сейчас ему совсем не улыбалось.

— Да твой братец машины меняет как перчатки! Еще пять месяцев назад, на поминки Цинмин, он прикатил на белой легковушке, и сколько прошло времени, а уже рассекает на черном джипе! Сжался над тетушкой, а?

Шаги Ци Муцина замерли, он невольно затаил дыхание. Беда с Сун Цзыюем случилась как раз в праздник Цинмин, аккуратно на выходных, когда в школе отменили занятия. Мужчина возвращался из учительской с вещами, когда на темной улице его сбил белый автомобиль. Водитель испарился, но успел сунуть в руки потерявшему сознание Сун Цзыюю пачку денег.

Улица та была глухой, и лишь чудом пришедший в себя и позвавший на помощь учитель привлек внимание случайного прохожего, после чего его наконец доставили в больницу.

— У брата правда нет денег. Черная машина — арендованная, чтобы ехать с комфортом, он даже у меня сейчас перехватывает карманные расходы, — терпеливо объясняла Сяо Ин. — Маленький Ци, отдохнул? Ты же вроде торопился? Если отдохнул, давай отправляться в путь.

Дядя Ван и Сяо Фан вошли через дверь.

Двое только что говоривших замолчали и обошли дом сзади. Увидев стоявшего там Ци Муцина, Сяо Ин смущенно улыбнулась:

— Ты тут цветами любовался?

Ци Муцин ничего не ответил, долго и пристально смотрел на Сяо Фана, после чего легко улыбнулся:

— Можно и так сказать, давайте возвращаться.

Затем он повернулся к Сяо Ин и её брату:

— После того как вы ушли, мне стало скучно, и я сел на ступеньки подышать воздухом и поразмышлять о своём. Вы каждый год на Цмин возвращаетесь на могилы предков?

— Нет, в прошлый раз мой брат купил новую машину, наверное, хотел похвастаться и сам вызвался поехать. Раньше мы приезжали убрать могилы просто когда появлялось свободное время, и специально день Цмин не выбирали.

То, что Ци Муцин заговорил первым, польстило Сяо Ин, и она мгновенно забыла о недавнем

смущении.

В тот день, вернувшись с дядей Ваном из деревни, Ци Муцин какое-то время тесно общался с Сяо Ин. К сожалению, она сама знала немного, а сам Сун Цзыюй смутно запомнил лишь то, что машина была белой. Никаких других зацепок не было, и Ци Муцин оставалось лишь успокоиться и действовать постепенно.

Тот человек из прошлого и впрямь был ужасен. Раз уж у него хватило совести оставить деньги на медицинские расходы, почему он не отвёз пострадавшего в больницу? Если бы ранение Сун Цзыюя не было не смертельным, да и случайный прохожий не подоспел вовремя, в случае худшего исхода всё закончилось бы гибелью человека.

Но даже несмотря на это, учитель Сун лишился ноги. Какой это удар для молодого человека! И хотя учитель Сун философски ко всему относился и по-прежнему жил с оптимизмом, Ци Муцин знал — всё равно это уже совсем не то.

Учитель Сун больше никогда не сможет бегать и тренироваться, не сможет легко и беззаботно прогуливаться, ему даже расхотелось показываться на людях и общаться с чужими. Иногда, внезапно вернувшись домой, Ци Муцин заставлял Сун Цзыюя сидящим в оцепенении и смотрящим в одну точку. Тот вовсе не был так равнодушен, как пытался показать.

Однако человек, сбивший его, до сих пор не принёс даже элементарных извинений.

— Срань господня, чего не спишь ни свет ни заря, о чём задумался?

Сун Цзыюй со сна потёр виски, открыл глаза и увидел, что Ци Муцин смотрит на него широко раскрытыми глазами, а взгляд его ясен — очевидно, он не спал уже очень давно. Сун Цзыюй перевернулся и лёг грудью на Ци Муцина, потрогав его слегка покрытый щетиной подбородок. Ты проснулся, а я как раз собирался встать. Ци Муцин не хотел волновать Сун Цзыюй лишний раз, пока они до конца во всем не разобрались, и в повседневной жизни всегда старался избегать щекотливых тем.

К чему вставать так рано, спи дальше.

С этими словами он обнял Ци Муцина, уткнулся лицом ему в шею и снова закрыл глаза.

Ци Муцин, намертво опутанный его объятиями, лишь вздохнул, обнял его в ответ и улыбнулся. Раньше учитель Сун проявлял заботу безупречно и во всем знал меру, но стоило им завязать романтические отношения, как наружу вылез его властный характер. Впрочем, Ци Муцин от этого только радовался, наслаждаясь каждым мгновением, проведенным вдвоем.

Сун Цзыюй, взрослый холостяк, из-за своей ориентации обычно держался на расстоянии от других мужчин. Ци Муцин же прежде был сущим невидимкой — из тех, кого люди стараются обходить стороной. Эти двое, сойдясь вместе, вспыхнули, как сухой хворост от искры, и теперь были готовы прилипнуть друг к другу наотмашь, каждую минуту жаждающая быть вместе.

Если бы кто-нибудь спросил Сун Цзыюй, каково это — проснуться и обнаружить, что ты прижимаешься телом к телу, как сиамские близнецы, с самым ненавистным в мире мужчиной?

Сун Цзыюй лишь холодно усмехнулся бы, его руки привычным движением сомкнулись на чужой шее — этот жест он тысячу раз репетировал в кошмарных снах, до того он был знаком.

В чем дело? Тебе нездоровится, или нужно в туалет? Ци Муцин было послушался и закрыл глаза, но не прошло и нескольких минут, как он почувствовал, что лежащий рядом человек вовсю шарит руками по его шее, и решил, что Сун Цзыюй снова озорничает.

Рефлексивно перехватив его чуть прохладные пальцы, он открыл глаза и с мягкой улыбкой спросил об этом: за последнее время он уже успел понемногу изучить скрытные капризы своего парня — тот вроде бы был солидным взрослым мужчиной, но Ци Муцин неизменно находил это очаровательным.

Сун Цзыюй ничего не ответил. С абсолютно бесстрастным выражением лица он смотрел на юношу, чье лицо все еще хранило следы юношеской незрелости, затем с обнаженным торсом сел на кровати, скривив губы в фальшивой улыбке. Столько лет прошло, он уже почти позабыл, как этот человек умел носить личину доброго малого, обводя его вокруг пальца. До чего же нелепый сон — приснился же этот ублюдок в молодые годы!

Сун Цзыюй во все глаза смотрел, как тот на его глазах беззастенчиво натягивает одежду. Белая рубашка — ну конечно, этот подонок еще в молодости обожал подобный интеллигентный прикид. Времени утекло так много, что он совсем позабыл об этом. Ци Муцин видел, что Сун Цзыюй молчит и хранит бесстрастное выражение лица, и никак не мог взять в толк, что с тем стряслось. В конце концов он со стоном перевернулся и слез с кровати, подхватил Сун Цзыюй на руки и вынес в приёмную. Затем он поддел ногой ночной горшок, стоявший за дверью, опустил Сун Цзыюй на пол и, обхватив сзади за талию, помог ровно встать:

— Я не смотрю на тебя.

Казалось бы, самая обычная помощь, но эти двое умудрились обставить всё так, будто они занимались чем-то непристойным. Причём это была идея самого Сун Цзыюй: поначалу Ци Муцин от подобных его шуток заливался краской до корней волос, но со временем, испробовав куда более интимные вещи, он даже полюбил эту особую пикантность. За прошедшие годы Сун Цзыюй уже научился контролировать свои эмоции; по сути, в мире почти не осталось вещей, способных по-настоящему взволновать его душу. И тем не менее, когда Ци Муцин начал заигрывать с ним даже во сне, в его сердце вспыхнула ярость. Опустив голову, он со злости оторвал руку Ци Муцина от себя.

Ци Муцин почувствовал его сопротивление и внезапно оказался оттолкнут. Видя, что Сун Цзыюй сейчас упадет, он поспешно попытался поддержать его, но, к сожалению, Сун Цзыюй не пожелал сотрудничать, да к тому же был взрослым мужчиной — в итоге оба рухнули на землю.

Падая, Ци Муцин инстинктивно подложил себя под Сун Цзыюя, а одной рукой защитил его голову. Сун Цзыюй резким движением отбросил его руку, приподнял голову и, усевшись на него с мрачным лицом и бушующими в глазах тёмными эмоциями, внезапно протянул обе руки и крепко вцепился ему в горло.

— Кхе-кхе, учитель Сун, что вы делаете? Отпустите, — Ци Муцин от падения чувствовал головокружение и звон в ушах, а тут еще Сун Цзыюй вцепился ему в горло; глаза Сун Цзыюя были совершенно чёрными, а взгляд — холодным, словно он смотрел на безжизненный

предмет.

Ци Муцин даже не успел толком среагировать, как за счет своей большой силы оторвал руки Сун Цзыюя от шеи, перевернулся и сел.

Сун Цзыюй, оттолкнутый им, упал в сторону. Сначала он приземлился на правый локоть, упершись им в землю, но больше никаких попыток предпринять не стал — лишь молча глядел на Ци Муцин. Он выглядел до того спокойным, будто это вовсе не он только что душил Ци Муцина.

Во сне он всегда вёл себя так: если бы дело дошло до яда, Ци Муцин, скорее всего, отравился бы его руками, но задушить противника во сне было абсолютно невозможно.

Он понимал: его подсознание знало, что он — больной человек, которому не тягаться с крепким и сильным Ци Муцином, и только что он просто попытался испытать удачу. Вот только сегодняшний сон казался слишком уж реальным: ему даже показалось, что от падения заболела рука, к тому же на месте оставалась правая нога, хотя он помнил, что его правая нога должна быть пустой. Ты в порядке? Как ты, сильно ушибся? Ци Муцин едва не потерял дар речи от вневсестенных действий Сун Цзыюя. Столкнувшись с удушьем, он поневоле применил всю свою силу, а теперь, видя, как Сун Цзыюй упал на землю и содрал кожу на руке до крови, он был готов отлупить самого себя. Поспешно подхватив его на руки, он бережно приподнял его за локти.

Учитель Сун. — позвал он.

Сун Цзыюй ничего не ответил, лишь неотрывно смотрел на него — вновь тем же глубоким, безмятежным взглядом. Ци Муцин тоже осознал, что с Сун Цзыюем сейчас что-то не так: от той силы, с которой тот давил, не сумеет он дать отпор, его, пожалуй, и впрямь могли задушить.

Учитель Сун, это я, Муцин, что с тобой? — осторожно заглядывая ему в глаза, с опаской спросил Ци Муцин.

Сун Цзыюй молчал, лишь глядя на него. В груди Ци Муцина всё оборвалось: с учителем Сун определенно что-то случилось.

Когда Сун Цзыюя привезли в больницу, в его душе всё еще жило ощущение абсурда. Слушая вопросы сидевшего перед ним врача, он наконец понял, что это, возможно, не сон.

Когда он перестал разговаривать? Испытывал ли он в последнее время какие-нибудь потрясения? — видя, что Сун Цзыюй и впрямь молчит, как и говорил Ци Муцин, да и эмоциональное состояние у него явно ненормальное, доктор Хуан перевел вопрос на Ци Муцина.

Да прямо сегодня утром, едва проснулись. Сначала, когда он только встал, он даже сказал мне, что сегодня поработает подольше, а потом немного отдохнет, выглядел совершенно обычно, ничем не отличался от себя прежнего. Но стоило мне лишь немного задремать, буквально на несколько минут, как он проснулся и весь словно переменялся. Настроение стало каким-то раздражительным, а на вопросы он отвечать перестал. — вспоминая утренние события, Ци Муцин тревожился всё сильнее.

Ты тоже не переживай, возможно, он просто не в духе. В конце концов, после стольких событий ему тяжело смириться, всякое бывает. Старайся следить за эмоциональным состоянием больного, не травмируй его. — Присутствие пациента заставило доктора Хуана выражаться

иносказательно. Он провел осмотр: ноги пациента поддерживались в довольно неплохом состоянии, судя по всему, это была психологическая травма после автокатастрофы — в конце концов, молодой и перспективный мужчина в одночасье стал калекой, такое стерпит далеко не каждый.

Доктор Хуан, мне всё равно беспокойно. — Ци Муцин, разумеется, не мог просто так взять и уйти. Состояние Сун Цзыюя возникло внезапно: ведь когда он только проснулся, он был прежним, ластился к нему, жалел его. Почему же стоило ему только прикрыть глаза, как весь мир будто перевернулся? И ведь сегодня утром Сун Цзыюй и впрямь приложил немало сил.

Тогда, может, отведи его к психиатру? — Доктор Хуан был хирургом и в вопросах душевных расстройств не силен.

У Ци Муцина аж лицо почернело.

<http://bllate.org/book/21591/2225491>